

ИЛЪЯ МИЛЛЕР

ГОЛОВО РЕЗ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Миллер

Головорез. Пока есть кого терять

«Автор»

2026

Миллер И. А.

Головорез. Пока есть кого терять / И. А. Миллер — «Автор»,
2026

Калининград принадлежит тем, у кого хватает денег, оружия и чужого страха. Но даже они запирают двери, когда слышат имя Головореза. Днём Илья Миллер носит полицейскую форму. После заката прячет лицо под маской и выходит за теми, кого закон не сумел остановить. Одни считают его героем. Другие ждут, когда его наконец поймают. Сам Илья давно перестал искать себе оправдания. Он привык возвращаться домой с кровью на одежде, разговаривать с котом и отшучиваться, когда становится невыносимо. Гораздо труднее привыкнуть к тому, что кто-то может ждать его живым. В городе, где молчание покупают, а за правду убивают, ему ещё есть кого терять.

© Миллер И. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1. ДА ЗДРАВСТВУЕТ МЕСТЬ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Головорез. Пока есть кого терять

ПРОЛОГ

Головорез сидел на выступе старого моста и точил катану.

За спиной, у бетонного ограждения, остывал мотоцикл. Двигатель он заглушил несколько минут назад; теперь из темноты доносилось только негромкое потрескивание металла. Вода собиралась на чёрном баке, стекала по красной эмблеме и падала на асфальт. С этой стороны моста давно перестали ходить пешеходы. На сетчатом заборе висела табличка о реконструкции, которую кто-то обещал закончить ещё прошлой осенью.

Головорез провёл небольшим брусом вдоль повреждённого участка клинка. Проверил кромку в свете далёкого фонаря. Повторил движение. На боку костюма разошёлся шов — память о позавчерашнем ударе ножом. Под ним давно была целая кожа. Он родился мутантом: раны затягивались быстро, силы хватало на то, с чем обычный человек не справился бы и двумя руками. К этому он привык. К необходимости после каждой вылазки чинить снаряжение — пока нет.

Он подцепил пальцем торчащую нитку, осмотрел разрез.

— Ещё один такой вечер — и пойду убивать в спортинках.

Дождь усилился. Головорез подвинул клинок под край нависавшей балки.

Внизу лежала вода, чёрная между отражениями портовых огней. Чуть дальше, на берегу, стоял ангар с низкой пристройкой. Над воротами горела одинокая лампа. За оградой мокли поддоны, поблёскивали лужи, белела куча разбитого строительного блока. Двор пока оставался пустым.

За рекой начинался другой Калининград. Стекланные башни делового квартала торчали над крышами старых немецких домов; между ними двигались огни поездов, выныривавших из тоннеля метро на открытый участок. На набережной ещё работали рестораны. Изредка до моста долетал глухой бас музыки, но здесь его почти сразу съедал шум дождя.

На огромном экране над торговым центром сменилось изображение. Мужчина в красном плаще стоял над городом, повернув лицо к солнцу, которого этой ночью никому не досталось. Золотой знак на груди вспыхнул, отражаясь в мокрой реке.

— Шикарно. Ещё и этот здесь, — пробормотал Головорез. — Суперклоун, круглосучно.

Он посмотрел на красный плащ, на чистое лицо размером с этаж. Его собственное изображение показывали в новостях совсем по другому поводу.

Головорез опустил глаза к клинку.

Он был крупным, широкоплечим мужчиной с коротко выстриженными висками и густыми тёмными волосами, которые дождь сбил в неровные пряди над лбом. Вода задерживалась в бороде, щекотала кожу у подбородка. Из-под нахмуренных бровей он смотрел на двор ангара; лицо без шлема казалось угрюмым, почти сонным. Люди иногда принимали это за спокойствие. Головорез обычно не мешал им ошибаться.

Чёрный костюм плотно сидел на теле. Между жёсткими пластинами груди, плеч и предплечий оставались гибкие участки плотной ткани, потемневшей от воды. На красных вставках виднелись царапины. По бокам торса спускались узкие красные полосы; ремни удерживали ножны за спиной, подсумки и кобуры на бёдрах. У левого запястья под краем перчатки едва проступал участок татуировки. Он поправил наруч, затянул ремешок и несколько раз сжал кулак, проверяя, свободно ли двигается кисть.

На груди находился угловатый красный знак. Над ним маленькая корона.

Такую же корону он носил на армейском шевроне. Угол нашивки вечно отходил; перед выездом Илья зашивал его чёрной ниткой, сидя на койке. Служивцы звали его Королём. На базе это звучало привычнее собственного имени. Потом форму пришлось сдать, а позывной остался с ним. Когда Илья выбирал знак для нового костюма, корону он нарисовал первой.

Король.

Здесь этот позывной почти никто не знал.

Зато другое имя появлялось в сводках всё чаще. Головорез. Его произносили в участке, на кухнях, в роликах с плохим звуком. Илья впервые услышал его от патрульного, который показывал коллегам запись с камеры над ночным ларьком. На экране мелькала тёмная фигура. Кто-то за кадром кричал, потом запись обрывалась.

Илья стоял рядом в форме и пил отвратительный растворимый кофе. Патрульный повернул телефон к нему.

«Как думаешь, сержант, долго этот псих пробегает?»

«Догони и спроси. Только сначала отпуск оформи. По болезни».

Патрульный засмеялся и убрал телефон. Илья тоже усмехнулся. Пришлось заставить себя разжать руку на стаканчике: горячий кофе уже поднялся к самому краю.

Он убрал брусок и вытер лезвие. Задержал руку на рукояти, прислушался к себе. Ничего особенного. Ни приятного предвкушения, ни внезапного облегчения. Только знакомое давление за грудиной, которое усиливалось всякий раз, когда ждать оставалось недолго.

Сегодня среди людей внизу должны были оказаться те, кого он искал два года.

Не очередной водитель. Не парень, который за деньги сторожил чужой склад и очень удивлялся, когда на склад всё-таки приходили. Те самые.

В телефоне лежала фотография отцовского дома. Головорез не стал её открывать. Он и без экрана помнил светлое пятно стены, кусок водосточной трубы, криво прикрученную ручку калитки. Отец всё собирался её заменить, а потом каждый раз находилось что-нибудь поважнее.

Головорез отвёл взгляд от ангара и проверил время.

Детям уже полагалось спать. Андрей, скорее всего, ещё читал под одеялом, уверенный, что бабушка ничего не замечает. Алина могла прийти к нему с подушкой, если дождь застучит слишком громко. Они теперь оба не любили резких звуков. Илья долго учился закрывать двери тихо.

В последний приезд Алина принесла ему подушку и положила на диван, пока он разговаривал с бабушкой. Даже не спросила, останется ли он ночевать. Когда Илья начал собираться, сама унесла подушку обратно. Лучше бы обиделась. Потребовала остаться. Он до сих пор не придумал, что сказать ей при следующей встрече.

Он вернул катану в ножны. Достал пистолеты, поочерёдно проверил их и убрал обратно. Магазины были полными. Запасные лежали на своих местах. Под пальцами знакомо щёлкнула застёжка кобуры.

Перед уходом он покормил Цезаря. Кот сидел на столешнице, наблюдая, как хозяин затягивает ремни. Когда Головорез потянулся за шлемом, серый ткнулся лбом в его руку. Пришлось задержаться и почесать между ушами.

«Дождись меня, ладно?»

Теперь Головорез поправил застёжку перчатки и проверил телефон. Ни сообщения, ни звонка. Человек, передавший адрес, мог ошибиться. Фургоны могли свернуть к другому складу. Головорез уже слишком хорошо знал, каково возвращаться после такой ночи и снова садиться перед картой.

Он посмотрел вниз. Пока двор оставался пустым.

В ожидании особенно хорошо вспоминалось то, о чём нельзя было думать во время работы. Не фотографии из дела. Не заключения. Голос матери в последнем сообщении: она

спрашивала, когда он сможет позвонить, потому что Андрей приготовил для него какой-то сюрприз.

Илья прослушал его между выездами. Написал: «Попозже, мам».

Сидя на мокром бетоне, он надавил большим пальцем на пряжку ремня, пока ноготь не побелел. Потом отпустил.

Внизу, за поворотом старой портовой дороги, появились фары.

ГЛАВА 1. ДА ЗДРАВСТВУЕТ МЕСТЬ

Два года назад

Отец Ильи любил место у стены. Отсюда была видна дверь, над столом не дуло, а если подавалась удачная карта, никто не мог заглянуть через плечо.

Бар находился через дорогу от старого завода металлоконструкций. К вечеру сюда набились рабочие: в куртках, пропахших сваркой, с тёмными полосками грязи у ногтей. В прихожей постоянно мокли чьи-то рукавицы. Телевизор над стойкой работал без звука, зато холодильник гудел так, что иногда хотелось постучать по нему кулаком.

Сегодня за столом сидели четверо. Один давно перешёл на обиженное молчание, второй пересчитывал мелочь, третий разглядывал карты с таким вниманием, будто оттуда должны были подсказать.

— Давай уже, — сказал отец Ильи. — Я домой хочу.

— А чего ты всё время домой хочешь, когда выигрываешь?

— Потому что дома кормят.

Он положил карты, дождался ругани и сгрёб деньги. Чуть больше двух тысяч. За день на заводе выходило меньше. Можно было остаться, добрать ещё, но он заметил, как его рука потянулась к колоде, и сжал пальцы.

Хватит. На сегодня хватит.

У выхода он достал телефон. Пропущенных не было. Это успокоило его настолько, что, переходя дорогу, он даже насвистывал.

Дом стоял в двадцати минутах ходьбы, на окраине, где улица постепенно теряла асфальт. Невысокий, с двумя этажами и пристройкой, на которую всё не хватало ни денег, ни сил. Когда-то он сам заливал здесь фундамент, сам поднимал стены. Любил вспоминать это в ссорах, словно кирпичи давали ему дополнительные права.

Из кухни пахло печёным тестом. Он услышал детей ещё у калитки.

Андрей гнался за сестрой вокруг дивана, держа над головой её ленту. Алина тянулась за ней, смеялась и уже начинала злиться. На третьем круге брат задел плечом журнальный столик. Пустая чашка покатилась по полу, ударилась о ножку кресла.

— Успокойтесь вы уже! — крикнула мать из кухни. — Мне ещё вас тут собирать по кускам?

— Он первый!

— Я вообще стоял!

Услышав входную дверь, оба забыли о ленте.

— Пап!

Отец едва успел поставить ботинок на коврик. Алина вцепилась в его куртку, Андрей начал что-то говорить одновременно с ней. Он положил ладонь сыну на затылок и поцеловал дочь в макушку. От детских волос пахло шампунем. От его рукава табаком и железом.

— Дайте раздеться, банда. Ну куда вы оба?

В прихожей, на столике возле кухни, стояла семейная фотография. Илья на ней возвышался над остальными, ещё без густой бороды, с непривычно открытым лицом. Андрей сидел у него на руках. Алина держалась за штанину отца; мать смотрела не в объектив, а на младшую дочь, и потому улыбка у неё получилась настоящей.

Мать родила Илью рано. К тому времени, как появились младшие, он уже привык считать себя взрослым. Потом ушёл в армию. Приезжал между командировками, привозил странные сладости, подолгу спал и разрешал Андрею трогать шевроны на форме. Мать перестала спрашивать, надолго ли он в этот раз, потому что ответ ей почти никогда не нравился.

Отец прошёл на кухню и бросил деньги на край стола.

— Ну, женщина.

Мать раскатывала тесто. Она посмотрела на купюры, не поворачивая головы полностью.

— Тебе зарплату дали?

— Нет. Подколымил.

— Угу.

— Чего «угу»? Деньги плохие?

Она приподняла доску, смахнула муку в ладонь и высыпала в раковину.

— Руки помой. Сейчас есть будем.

— А что там?

— Уже в духовке. Потерпи.

Он собрал купюры ровнее. Ему хотелось, чтобы она спросила, как удалось заработать, или хотя бы поблагодарила. Мать открыла шкаф за чистыми тарелками.

Андрей прибежал с дневником. Держал его раскрытым, прижимая страницы большими пальцами, чтобы не перелистнулись.

— Пап, смотри. Пятёрка.

Отец наклонился.

— Ого. Так ты у нас гений. Ну хоть из кого-то толк выйдет.

Он засмеялся и потрепал сына по голове.

— Ну да, — сказала мать. — Хоть из кого-то.

Отец поднял на неё глаза. Она как раз ставила тарелку перед Андреем. Между ними на секунду установилась тишина, которой дети ещё не умели дать название, но уже узнавали.

Алина вернулась из гостиной с листком. На нём цветными карандашами была нарисована женщина в длинном платье с огромной короной.

— А это я сделала.

— Ого. Это ты, что ли?

— Не-е-ет! — Она прижала рисунок к груди и захихикала. — Это мама.

— Мама? Ну, мама у нас давно не такая красотка.

Мать цокнула языком и потянулась за прихваткой.

— Нет, — серьёзно сказала Алина. — Она красивая.

Отец уже собирался ответить что-то ещё, но мать поставила на стол противень. Дети потянулись ближе; она отодвинула горячее от края.

— Ты опять пил?

— Нет. С чего ты взяла?

— Я в сервант залезла. В конверте денег не хватает.

— Каких денег?

Она наконец посмотрела ему в лицо.

— Которые Илья прислал.

— Да всё там хватает. Вот я принёс же.

Он указал на две тысячи. Жена перевела взгляд на деньги, потом обратно на него. От этой короткой паузы ему стало жарко.

— За свет заплатим, — сказала она. — Раз ты принёс.

Снаружи просигналили.

Отец сначала не пошевелился. Затем встал так резко, что стул скрипнул по полу, и отодвинул штору двумя пальцами.

У калитки стоял фургон.

— Блять.

Мать выпрямилась.

— Это к тебе?

Из машины вышли трое. Один поправил ворот куртки. Второй сплюнул на землю. Третий задержался у пассажирской двери, что-то сказал водителю и направился следом.

Отец отпустил штору.

— Блять, блять... Сколько у нас денег?

— Нисколько.

Он схватил жену выше локтя. Она дёрнулась, глядя на его пальцы.

— Сколько?

Теперь в голосе не было обычного раздражения. Мать увидела его страх и сразу перестала спорить.

— Тысяч тридцать осталось. Отпусти, больно.

— Сука. Мало.

— Папа, не матерись, — сказала Алина.

Постучали. Спокойно, без спешки. Три удара.

— Кто это? — спросила мать.

— Бери детей. Наверх идите.

— В смысле? Ты что натворил?

Он оглянулся на дверь.

— Уведи детей!

Андрей закрыл дневник. Пятёрку отец так и не посмотрел как следует: она стояла на соседней странице.

Мать взяла Алину за руку, второй ладонью подтолкнула сына к лестнице. Отец подождал, пока они поднимутся, и только тогда открыл.

— Ну и хули ты прячешься?

Впереди стоял широкоплечий лысый мужчина с тёмной бородой. По виску у него тянулась татуировка. На груди чёрной куртки улыбалась расписная матрёшка, окружённая красными цветами.

— Да не прячусь я. С работы недавно пришёл.

— М-м.

Мужчина прошёл мимо него. Двое остальных тоже вошли, вытирая обувь о коврик с почти издевательской аккуратностью.

На втором этаже мать остановилась у лестничного ограждения. Здесь пахло пылью и сухой древесиной. Часть стены так и оставалась незащитой; прислонённая к ней панель закрывала небольшую нишу под скатом крыши. Там хранились обрезки утеплителя и старая сумка.

— Короче, ты знаешь, зачем мы пришли, — раздалось вниз.

— Знаю. Мужики, у меня сейчас нет. Есть тридцать тысяч. И вот ещё две на столе.

— Ты нас за лохов не держи. Мы полгорода облазили, пока твой адрес выбили.

— Мне пару дней надо. Я найду.

Мать услышала короткий глухой звук. Следом отец выдохнул так, словно ему на грудь наступили. Стул упал.

Алина посмотрела на неё снизу вверх.

— Мам?

Мать присела перед детьми.

— Сейчас спрячемся. Вот сюда. Быстро.

Она убрала сумку из ниши, посадила внутрь Алину, помогла забраться Андрею. В тесном пространстве пришлось поджать ноги. Мальчик сразу обнял сестру.

— Сидите тихо. Андрюш, следи за ней.

Он кивнул. Мать провела ладонью по его щеке и задержала пальцы, будто хотела сказать ещё что-то.

Внизу снова ударили отца.

Она придвинула панель.

Через щель Андрей видел только полоску пола и мамину пятку в домашнем тапке. Потом пятка исчезла.

— Зачем вы его бьёте?

— О, жёнушка. Рад познакомиться.

Мать сбегала по последним ступенькам. Муж лежал возле стола, опираясь на локоть. Из носа у него текла кровь. Лысый стоял рядом и смотрел на женщину с неприятным любопытством.

— Ваш супруг нашему боссу задолжал. В картишки любит играть. Вам, наверное, рассказывал, какой он у нас талантливый?

Она попыталась опуститься рядом с мужем. Другой, в кепке и надвинутом капюшоне, поймал её за плечо.

— Подожди. Мы перетрём.

— Руки убери.

— Да стой ты.

Лысый присел перед отцом и схватил его за ворот.

— Где деньги, сука?

Удар пришёлся в лицо. Голова отца стукнулась о ножку стола. Мать рванулась; ткань блузки затрещала под чужой рукой. Она нащупала на столе скалку, развернулась и ударила лысого по голове.

Он вскрикнул. На миг всё остановилось: его ладонь у виска, лицо мужа у пола, скалка в её руке.

— Ах ты стерва.

Лысый выхватил нож и ударил её в грудь. Мать отшатнулась, ударилась спиной о стол. Скалка выпала из руки. Она попыталась вдохнуть, но воздух будто не проходил дальше горла.

Отец успел подхватить её за плечи. Они оба тяжело опустились на пол.

— Ты чего натворил? — спросил он чужим голосом.

Лысый отступил, всё ещё прижимая ладонь к голове.

— Она сама начала! Ты видел, чем она меня?

Отец зажал рану рукой. Жена смотрела на него, открывая рот, и он наклонился ближе, пытаясь разобрать слова. Ему вдруг стало необходимо услышать хоть что-нибудь. Ругательство. Его имя. Чтобы она сказала, какой же он всё-таки идиот.

— Милая, прости. Прости меня. Сейчас... сейчас мы...

Он поискал глазами телефон. Тот лежал на столе, возле денег, но отпустить жену он не мог.

Трое мужчин отошли к двери. Тот, что до сих пор почти не разговаривал, тихо выругался. Лысый отвечал ему вполголоса. Отец слышал отдельные слова, но они не складывались в смысл. Под ладонью было слишком тепло и скользко.

— Ладно, кончай их, — сказал молчаливый. — Чтобы свидетелей не было.

Отец поднял голову. Человек в кепке уже доставал пистолет.

— Не надо, — произнёс отец. Потом посмотрел на жену. — Прости.

Мужчина подошёл сзади и выстрелил ему в затылок. Отец упал поперёк её ног.

Наверху Андрей зажал сестре рот, когда прозвучал выстрел.

Алина дёрнулась всем телом. Его ладонь стала мокрой от её слёз. Он хотел сказать, что всё хорошо, но даже шёпот казался опасным. Мальчик только сильнее прижал её к себе.

Ступеньки закрипели.

Андрей перестал дышать. В щели возник носок ботинка, прошёл дальше. В комнате что-то отодвинули. Человек остановился совсем близко; Андрей слышал его дыхание и слабое потрескивание куртки при движении.

— Да тут, походу, никого!

Шаги удалились.

— Поджигай. Поехали отсюда.

Андрей услышал эти слова, но не сразу понял их смысл. Внизу что-то двигали, рвали ткань. Потом хлопнула дверь, под окном коротко рассмеялись. Мотор фургона загудел и стал тише. Алина пыталась удержать его руку; Андрей наконец разжал пальцы. Кисть болела.

— Мама придёт? — прошептала она.

Он не ответил.

Первым изменился запах. Сквозь пыль и дерево пробилась гарь. Потом в щели стало серо.

Андрей толкнул панель плечом. Она не поддавалась сразу, и он запаниковал, начал давить обеими руками. Панель сдвинулась и упала с таким грохотом, что Алина заплакала. Он вылез, потянул сестру за собой.

— За руку держись. Не отпускай.

На лестнице дым щипал глаза. Внизу горели занавески; огонь уже перебрался на край дивана. Свет в кухне ещё работал. Андрей увидел отцовскую ногу, перевернутый стул, мамину руку возле ножки стола.

Он остановился так резко, что сестра врезалась ему в спину.

— Где мама?

Андрей закрыл ей глаза ладонью.

— Иди. Просто иди.

Ему пришлось вести её боком. Он споткнулся о коврик, едва не упал, нащупал ручку двери. Холодный воздух ударил в лицо. Только на крыльце мальчик понял, что всё это время держал во рту собственный крик.

Соседи вызвали полицию, увидев дым. Первый патруль остановился у калитки, когда огонь уже рвался из окна. Дети сидели на краю дороги. Алина была в одном тапке. Андрей так и не отпустил её руку.

Офицер присел перед ними, снял куртку и укрыл обоих. Спрашивал, есть ли кто-нибудь внутри. Андрей смотрел на пуговицу у него на рубашке и никак не мог выговорить ответ.

Потом приехали пожарные. Стало очень шумно.

* * *

На базе неподалёку от иракской границы стояла сухая жара. Пыль забивалась в одежду, скрипела на зубах и оседала тонким слоем даже внутри закрытых ящиков.

Илья лежал на стрельбище, проверяя прицел. Винтовка удобно упиралась в плечо. Он любил это ощущение: всё на своих местах, всё понятно, любое движение имеет смысл. Мишень дрожала в раскалённом воздухе.

— Давай, малышка, не позорь папу, — пробормотал он.

Выстрел ударил в наушники. Илья выдохнул, посмотрел на результат и потянулся к регулировке.

— Король!

Он повернул голову. У края площадки стоял сослуживец, щурившийся от солнца.

— Тебя в штаб.

— Что, без меня уже не справляются?

— Илья, я не знаю. Сказали позвать.

Илья приподнялся на локтях. На плече смялась нашивка с короной.

Сослуживец не улыбнулся. Илья заметил это и снял наушники.

— Ладно. Иду.

Он поднялся, убрал винтовку на ящик и стряхнул пыль с ладоней.

В штабе гудел кондиционер. Генерал сидел за столом без кителя. Перед ним лежал лист бумаги и стоял стакан воды. Илья запомнил этот стакан: пузырьёк воздуха прилип изнутри к стеклу, чуть выше уровня воды.

— Садись, Миллер.

Илья сел.

Генерал начал с того, что пришло сообщение из Калининграда. Произнёс фамилию родителей, адрес. Илья выпрямился. Он уже понял, что случилось что-то плохое, но сознание торопливо подсовывало исправимые варианты. Пожар. Больница. Деньги на операцию.

Потом прозвучало слово «погибли».

Илья посмотрел на лист.

— Кто?

Генерал повторил.

— Оба?

Тот кивнул.

Илья несколько секунд сидел, не чувствуя спинки стула. Потом спросил про детей так быстро, что слова слиплись.

— Живы, — сразу сказал генерал. — Брат и сестра живы. Их передали бабушке.

Илья хотел встать. Колени не слушались. Он положил ладони на бёдра, будто мог удержать себя в нормальном положении усилием рук.

— Что там произошло?

— Подробностей пока мало. Полиция работает. Мы поможем с дорогой.

Слово «поможем» почему-то разозлило. Илья поднял глаза, уже собираясь сказать грубость, но увидел лицо генерала и не смог. Тот не прятался за служебным тоном. Ему тоже было тяжело произносить эти слова.

— Мне позвонить надо, — сказал Илья.

— Конечно.

Выйдя, он нашёл в телефоне мать. Палец сам остановился над её именем. Он долго смотрел на экран, пока не погасла подсветка.

В первые дни он плакал без всякого порядка. Мог лежать с сухими глазами часами, а потом начинал задыхаться над открытой сумкой, потому что находил носки, которые мать сунула ему в прошлый приезд. Она всё ещё покупала ему носки. Взрослому мужику, который стрелял в людей за тысячи километров от её кухни.

Ночью он вспоминал не хорошие семейные сцены, которые полагалось вспоминать. В голову лезла последняя ссора с отцом, раздражение на слишком длинный мамин звонок, обещание приехать летом. Он пытался вытащить другие воспоминания и злился, когда получалось только это.

Сослуживцы приносили еду. Иногда садились рядом. Илья отвечал через раз, а однажды рывкнул на человека, который просто спросил, нужен ли чай. Через час нашёл его и извинился. Слов для объяснения у него не было.

Перед отъездом он сдал винтовку. Проверяющий что-то говорил о документах, а Илья смотрел, как чужие пальцы принимают его малышку. Обычно он обязательно съязвил бы: нежнее, она стеснительная. Теперь только подписал там, где показали.

Рапорт он подал сразу. Бумаги, согласования и окончательное увольнение заняли время, но возвращаться к прежней службе он уже не собирался. Андрей и Алина ждали его дома.

* * *

Бабушка открыла дверь и некоторое время просто смотрела на него. За последние дни она будто уменьшилась. Фартук висел свободно, седые волосы выбились из заколки.

Илья обнял её в прихожей. Она уткнулась ему в грудь, и он почувствовал, как дрожат её плечи.

— Дети где?

— В комнате.

Андрей стоял возле дивана. Алина сидела на полу с игрушкой. Увидев брата, она сразу поднялась, но не побежала. Илья сам опустился на колени и протянул руки.

Оба вцепились в него. Илья прижал их к себе и уткнулся лицом в волосы сестры; вдох застрял в горле.

— Я здесь, — сказал он. — Я приехал.

Алина прижала щеку к его шее. Андрей молчал. Его пальцы держали ткань на спине Илья, и разжать их не получалось даже тогда, когда все трое переместились на диван.

За чаем бабушка положила перед ним печенье. Он взял одно и забыл в руке. Дети ушли в соседнюю комнату, оставив дверь открытой.

— Пока пусть у меня побудут, — тихо сказала бабушка. — Школа рядом. Здесь они уже привыкли.

— Я могу забрать.

— Знаю, что можешь.

Она посмотрела на его нетронутый чай. Илья понял, что речь не о размере дома и не о деньгах. Он сам пока не мог предсказать, что будет делать через час.

— Я буду приезжать.

— Приезжай.

Перед уходом Андрей вышел за ним в коридор.

— Я Алину вывел, — сказал он.

Илья медленно присел.

— Знаю.

— Я ей глаза закрыл. Только когда мимо... — Мальчик запнулся. — А потом дверь открыл.

— Ты всё правильно сделал.

Андрей посмотрел на него с таким вниманием, будто это был вопрос, на который больше никто не мог ответить.

— Маму я не мог поднять.

Илья притянул его к себе. Уткнулся губами в короткие волосы и несколько секунд не говорил, потому что боялся собственного голоса.

— Ты не должен был, слышишь? Ты сам маленький. Ты сестру спас.

Андрей закивал ему в плечо. Илья держал его, пока в соседней комнате Алина не позвала брата посмотреть, что у неё получилось.

Дом Илья находился дальше за городом, у старой дороги среди сосен. Низкое здание с плоской крышей, тёмной деревянной обшивкой и большими окнами. К террасе вели широкие ступени. Сбоку примыкал гараж. На стройку ушла большая часть денег, отложенных за годы службы. Илья выбирал участок, думал о тишине после возвращений, о террасе, где наконец можно будет завтракать без спешки. Теперь на ней мокли два пустых кресла.

Дом встретил его запахом закрытого помещения.

Он поставил сумку в прихожей, прошёл через гостиную. На стене кабинета висела карта Калининграда. Раньше он отмечал на ней маршруты поездок и места, куда собирался выбраться в отпуске. Несколько старых отметок ещё оставались на полях.

Илья постоял перед картой и вышел в гараж.

Его обычный мотоцикл был покрыт пылью. Чёрный, с круглой фарой за решёткой, открытым двигателем и низким сиденьем. Он снял чехол, провёл ладонью по баку. Знакомое занятие немного успокаивало: достать тряпку, проверить колесо, убрать с сиденья сухую сосновую иглу.

Тогда он услышал писк.

Сначала решил, что скрипнули ворота. Звук повторился, тонкий и сердитый. Илья вышел на дорожку, присел возле кустов.

В глубине сидел серый котёнок. Круглая морда, большие уши, шерсть в мелком мусоре. Он смотрел на человека с возмущением, словно именно Илья оставил его в кустах, а теперь бессовестно делал вид, что ничего не знает.

— Ты откуда здесь взялся, малыш?

Котёнок пискнул.

Илья оглянулся на дорогу. Пусто. Ближайший жилой дом скрывался за поворотом.

— Документов, я так понимаю, тоже нет.

Он протянул руку. Котёнок сначала попятился, потом обнюхал пальцы и позволил вытащить себя из веток. В ладонях оказалось неожиданно лёгкое, тёплое существо. Оно сразу зацепилось когтями за рукав.

Может, знак, подумал Илья. И тут же поморщился. Ему не нравилось, как охотно он теперь был готов искать смысл в любом совпадении.

В доме он поставил воду в маленькой миске. Открыл холодильник. Внутри лежал лимон, который давно перестал быть лимоном, и стояла закрытая бутылка соуса.

— Богатый стол. Ты удачно зашёл.

Котёнок сунул лапу в воду.

Илья снял куртку, устроил ему место на старом пледе, снова оделся и поехал в магазин. Впервые с момента возвращения нужно было купить что-то конкретное, и от него зависело, получит ли это маленький серый комок.

* * *

В полицию Илья подал заявление спустя некоторое время. Принёс документы о службе, прошёл проверки, отвечал на вопросы, которые временами казались издевательски простыми. Капитан долго перелистывал его дело.

— С вашим опытом можно было найти место потише.

— Я тихие места плохо переношу.

Капитан поднял глаза.

— Здесь тоже не армия. Это нужно понимать сразу.

— Понимаю.

— Мне нужны люди, которые умеют сохранять голову. Криминала в городе хватает, Миллер. Ещё один человек с пистолетом и проблемами мне ни к чему.

Илья выдержал его взгляд.

— А без проблем много приходит?

Капитан усмехнулся, но не сразу.

Вскоре Илья надел форму. Работа давала усталость, от которой иногда удавалось заснуть, и доступ к городу с той стороны, которую раньше он видел только случайно. Заявления, адреса, лица. Одни и те же фамилии в разных историях. Потерпевшие, внезапно менявшие показания. Люди, у которых страх оказывался сильнее синяков.

О родителях он узнал больше, чем хотел бы знать. Долг отца. Трое в доме. Украденные камеры с соседнего участка. Расписные куртки, которые запомнил свидетель, но потом засомневался. Банда, называвшая себя Матрёшками.

Он не расспрашивал брата о той ночи. Всё, что Андрей рассказал сам, и так возвращалось к нему во сне.

Однажды вечером на карте появился первый красный круг.

Илья сидел перед ним, положив маркер на стол. На экране компьютера была открыта фотография улицы. Ничего особенного: гаражи, магазин, кусок забора. Он смотрел на неё так долго, что перестал замечать время.

Котёнок потёрся о его ногу, затем встал на задние лапы, требуя внимания.

— Ну что тебе?

Илья поднял его на колени. Серый немедленно начал устраиваться, цепляя когтями брюки. На полке рядом с картой стояла небольшая фигурка римлянина, старая покупка из поездки. Илья перевёл взгляд с фигурки на самодовольную морду.

— Цезарь, — сказал он. — Будешь Цезарь. Тебе в самый раз.

Котёнок свернулся, как будто вопрос был давно решён без участия человека.

Илья осторожно положил ладонь ему на спину. Под пальцами заурчало. Он ещё некоторое время смотрел на красный круг, но маркер больше не трогал.

* * *

Настоящее

Два фургона остановились перед ангаром.

Головорез надел шлем. Жёсткая оболочка закрыла лоб, виски и верхнюю часть лица; борода и рот остались открытыми. По чёрной поверхности проходили красные полосы. Мир сузился до привычного обзора сквозь тёмные прорезы, и дождь перестал попадать в глаза.

Он поднялся с выступа, не разгибаясь полностью, и посмотрел вниз.

Из машин выходили люди. Чёрно-красные спортивные костюмы, толстовки, цветочные узоры под хохлому. На груди и спинах улыбались одинаковые кукольные лица. Расписные девушки с большими глазами соседствовали с оружием, тяжёлыми цепями и татуировками на пальцах. Пятеро держались вместе у первого фургона. Ещё несколько выгружали ящики.

Крупный бородач придерживал дверцу ногой. Молодой, в чёрной вязаной шапке, крутил в руке металлический кастет. Мужчина с зачёсанными назад волосами поднял солнечные очки на голову, будто только сейчас заметил, что солнца давно нет. Рядом стоял тот, в кепке и капюшоне; нижнюю часть лица закрывала ткань с рисунком черепа.

Лысый вышел последним.

Головорез почувствовал, как сжались зубы. На голове мужчины остался неровный светлый рубец. В материалах дела была фотография, но живым он оказался ниже, чем представлялось.

Лысый отряхнул рукав и что-то сказал остальным. Те засмеялись. Головорез прижал ладонь к холодному бетону. Он столько раз разглядывал фотографии этого лица, что мог бы узнать его даже сейчас, в полумраке.

Человек в кепке. Крупный бородач возле дверцы. Все трое здесь. Два года работы: адреса из сводок, разговоры после задержаний, фотографии, на которых поначалу не за что было зацепиться. Теперь Головорез убрал руку с парапета. Ждать больше было незачем.

Они его не знали. Для них старший сын остался строчкой в чужой семейной истории. Военный, которого тогда не было дома.

Головорез перекинул ногу через сиденье спортбайка. Этот мотоцикл не имел ничего общего с обычной машиной в его гараже. Угловатый чёрный обтекатель, красные линии, низкая посадка, корона над знаком на боковой панели. Когда он включил питание, узкие огни разрезали темноту.

Двигатель ожил.

Подъезд к закрытому участку моста уходил к берегу через разрушенный съезд. Днём Илья осмотрел его, но сейчас мокрый бетон блестел иначе. Он тронулся, прибавил газ. Переднее колесо перескочило через край, и на короткое мгновение тяжесть исчезла.

Внизу один из мужчин задрал голову.

Мотоцикл ударился о наклонный участок насыпи, подвеска сжалась до упора. Руль рвануло в сторону, но Головорез удержал его, приняв толчок на согнутые руки. Вылетел на площадку перед ангаром и развернул байк, разбрызгивая воду.

— Ну нихуя себе манёвры! — крикнул парень с кастетом.

Головорез поставил ногу на землю.

— Ну а ты как думал?

Он выключил двигатель. Внезапная тишина длилась меньше секунды. От второго фургона шагнул мужчина с короткой рыжей бородой, до этого стоявший в стороне. В руке у него был пистолет.

— А ты кто у нас?

— Я твоя мамка.

— Какого...

Головорез прострелил рыжему голову. Бандит упал возле колеса фургона, не успев убрать улыбку с лица.

Пока остальные хватались за оружие, Головорез слез с байка и выхватил второй пистолет. Двое у ящиков уже подняли автоматы. Он выстрелил с обеих рук: один рухнул на ящик, второй отшатнулся к воротам, зажимая грудь. Двор сразу наполнился криками и грохотом стрельбы.

Головорез ушёл за фургон. Очередь пробила его борт, посыпалось стекло. Он видел, как человек у капота меняет положение оружия, и успел отступить раньше, чем тот нажал на спуск. Стрелок ещё доворачивал ствол, а Головорез уже оказался с другой стороны машины. Тот заметил движение слишком поздно.

Пуля ударила в нагрудную пластину. Головорез почувствовал короткий болезненный толчок, отступил на полшага и сразу выровнялся.

— Попал! — закричал стрелявший. — Я попал!

Головорез поднял пистолет и выстрелил ему в голову. Крик оборвался; оружие ударилось об асфальт.

— А теперь я.

Лысый бросился к пристройке. Головорез двинулся за ним, но выстрел справа заставил пригнуться. Пуля прошла по плечу, разорвав ткань. Обожгло, по руке потекло тёплое, но пальцы крепко держали пистолет. Он развернулся, дважды выстрелил в нападавшего и догнал лысого у стены.

Тот обернулся. Увидел направленный на него ствол и замер.

— Подожди...

Головорез выстрелил ему в лоб. Голова ударилась о кирпич, на стене осталась кровь. Он перешагнул через тело. Лицо матери мелькнуло в памяти так отчётливо, что на секунду стало трудно видеть двор, но из-за спины уже бежал следующий.

Головорез нажал на спуск. Пусто. Второй пистолет тоже замолчал. Он убрал их в кобуры и выдернул катану из-за плеча.

Мужчина с очками на голове ударил металлической палкой. Головорез подставил наруч. Металл лязгнул о броню; бандит попытался замахнуться снова, но Головорез уже шагнул вплотную и рубанул его по шее. Тот выронил палку, рухнул на колени. Вторым ударом Головорез разрубил ему голову.

Парень с кастетом подобрался сбоку. Удар пришёлся в челюсть, по открытой части лица. Головорез почувствовал, как лопнула губа. Во рту стало солоно.

— Ах ты сучёныш.

Он поймал парня за куртку, одной рукой оторвал от земли и впечатал в фургон. Борт промялся под спиной. Головорез не дал ему сползти и ударил шлемом в переносицу. Хрустнул нос. Пока тот пытался закрыть лицо, Головорез вогнал клинок ему в грудь, выдернул и оттолкнул тело.

Человек в маске с черепом полз к упавшему пистолету. До оружия оставалось меньше метра, когда Головорез прижал его запястье ботинком.

— Привет, пирожочек.

Бандит задрал голову и дёрнул рукой. Головорез узнал его глаза по фотографии в деле. Этот держал пистолет в доме родителей. Сейчас он лежал под ногами, без оружия, и смотрел на клинок.

Головорез перерезал ему горло. Подержал ботинок на руке, пока тот не перестал дёргаться, и повернулся к воротам.

Оттуда выстрелил крупный бородач. Пуля ударила в фургон возле его головы. Головорез бросился к нему. Они столкнулись у створки; бандит схватился за край шлема, потянул вверх. Головорез ударил его коленом, освободился и рубанул по ноге. Клинок отсёк её ниже колена. Бородач упал с криком, пистолет отлетел под машину.

Головорез остановился у ворот и провёл языком по губе. Порез уже затянулся. На плече под разорванным рукавом осталась только кровь. Он сплюнул, оглядел двор. Больше никто не поднимался.

Бородач тянул себя на локтях к выезду. На спине его куртки улыббалась матрёшка. Третий из того дома. Последний живой.

Головорез убрал катану, достал пистолет и сменил магазин.

— Куда пополз? Я тебя ещё не отпускал.

Бандит оглянулся. Губы дрожали, мокрые пальцы скребли асфальт. Головорез остановился над ним.

— Где остальные ваши расписные ублюдки? Расскажешь, может, оставлю в живых.

— Не знаю.

— Думай быстрее. Акция заканчивается.

Бандит опять пополз. Головорез наступил на раненую ногу. Тот закричал и вцепился в его ботинок.

— Где они?

— Не знаю! Убери! Убери ногу!

За рекой завывала сирена. Головорез поднял голову. Звук быстро приближался.

— Задрали.

Он убрал ногу, присел перед бандитом и показал ему пистолет.

— Последний раз спрашиваю.

— Мы сейчас не высываемся, слышишь? По нашим базам ходят, всех убивают. Мы переезжаем. Я правда не знаю, где остальные, я...

Головорез прострелил ему голову.

— Акция закончилась.

Он поднялся, убрал пистолет и пошёл к байку. Все трое были мертвы. У ворот ангара, у чужих ящиков, под дождём. Головорез сжал руль, запустил двигатель и выехал со двора.

Через минуту у ангара затормозил первый патруль.

* * *

Дом за старой дорогой был единственным освещённым пятном среди сосен. Головорез загнал спортбайк в гараж, рядом с повседневным чёрным мотоциклом, и вошёл на кухню.

Цезарь встретил его у порога. Выросший за два года серый кот потёрся о ботинок, посмотрел вверх и мяукнул. Головорез снял перчатку, осторожно погладил круглую голову.

— Привет, мой хороший. Заждался?

Он налил коту немного молока, сменил воду и снял костюм. Смыл с плеча засохшую кровь. Под ней была целая кожа. Натянув футболку, Илья прошёл к карте.

Ангар под мостом. Ещё один красный крест среди десятков других.

Илья закрыл маркер. Постоял перед картой, слушая, как Цезарь лакает на кухне. Сейчас он должен был чувствовать себя иначе. Он два года ждал этой ночи.

Из гостиной донеслось его новое имя.

На экране показывали ангар и полицейское оцепление. Следом появилась составленная по прежним записям ориентировка: чёрный шлем, красные полосы, борода. Диктор сообщил, что неизвестного связывают с серией нападений, и попросил жителей передать полиции записи ночной стрельбы.

— Шикарно, — сказал Илья. — Только рожу зря вытянули.

Он перевёл взгляд на форму, висевшую на спинке стула. Чистая рубашка. Жетон. Утром сержанту Миллеру предстояло выйти на службу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.